

УДК 81.2.2
DOI 10.17223/18137083/71/15

В. А. Горбунова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**Словообразование имени существительного в ульчском языке
(в сопоставлении с нанайским и орокским)**

Представлен подробный обзор словообразовательных моделей, которые используются в ульчском языке для производства существительных. Автор приводит перечень суффиксов, входящих в состав производных основ существительных, осуществляет семантический анализ многозначных и омонимичных словообразовательных показателей и выделяет модели словопроизводства на основании полученных результатов. Диапазон смысловой дифференциации внутри моделей также получает описание в ходе исследования. Для каждой из выделенных моделей проводится сопоставление с аналогами из близкородственных языков (нанайского и орокского) по таким критериям, как область применения, степени и разновидности семантического сдвига. Подобный подход позволяет выявить характерные черты ульчского словообразования, в число которых входит, в частности, тенденция к переносу механизмов словопроизводства из одного лексико-грамматического класса в другой.

Ключевые слова: словообразование существительных, деривационные суффиксы, тунгусо-маньчжурские языки, ульчский язык.

Словообразование в ульчском языке на сегодняшний день относится к темам, мало разработанным в научной литературе. Краткие обзоры наиболее продуктивных словообразовательных моделей приводились при первичном описании грамматики языка Т. И. Петровой [1939] и О. П. Суником [1985]; некоторые словообразовательные компоненты рассматривались позже в работах Л. Ж. Заксор и И. М. Наумовой [2014а; 2014б], Н. М. Стойновой [2018]. Целью данного исследования является выявление полного инвентаря словообразовательных морфем имени существительного в ульчском языке, а также описание семантической структуры и функциональных особенностей отдельных суффиксов. Обращение к материалам близкородственных языков позволяет проследить этимологические связи в сфере словопроизводства, а также способствует более полному описанию специфики данного яруса ульчской языковой системы за счет сопоставительного анализа.

Горбунова Виктория Александровна – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора тунгусо-маньчжуроведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; vicgor89@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2020. № 2
© В. А. Горбунова, 2020

На основании проведенной выборки из материалов картотеки ульчско-русского словаря, составленного О. П. Суником [1985], можно сделать вывод о том, что для имени существительного аффиксальное словообразование представляет основной источник пополнения словарного состава новыми лексемами; другие способы словопроизводства (сложение основ, семантическое расщепление) значительно уступают ему в частотности. По большей части производные имена существительные образуются от основ глаголов и существительных; отмечаются также небольшие группы лексем, мотивированных прилагательными, числительными и наречиями.

Среди моделей, в которых в качестве мотивирующей выступает основа другого *существительного*, одной из наиболее активно реализующихся является модель с суффиксом *-кса / -ксэ*. Основная словообразовательная функция суффикса состоит в трансформации основ, называющих диких и домашних животных, а также рыб, в наименования материалов, которые из них производятся, – шкур или кож: *зэли* ‘таймень, горноста́й’ > *зэликсэ* ‘шкурка горноста́я или тайменя’; *иңда* ‘собака’ > *иңдакса* ‘собачья шкура’; *иха(н)* ‘корова’ > *ихакса* ‘коровья шкура’; *сули* ‘лиса’ > *суликса* ‘лисы́я шкура’; *дава* ‘осенняя кета’ > *давакса* ‘кожа кеты’; *кор(у)* ‘щука’ > *корукса* ‘кожа щуки’.

В некоторых случаях семантическое соотношение производящей и производной основ может изменяться за счет смещения смысловых акцентов или метонимизации. Например, в словообразовательной паре *мэ́та* ‘поверхность головы, черепа’ > *мэ́такса* ‘шкура с головы животного’ релевантным признаком оказывается не принадлежность шкуры тому или иному зверю, но указание на ту часть тела, с которой она была снята. Лексема *пэ́рхиксэ* ‘головки сапог’, которая происходит от основы *пэ́рхи(н)* ‘вид соболя’, описывает не шкуру как исходный материал, а часть готового изделия из нее.

Модель с суффиксом *-кса / -ксэ* и словообразовательным значением ‘шкура животного, кожа рыбы’ отличается повсеместным распространением в нанайской группе языков: исследователи выделяют ее также в нанайском [Аврорин, 1959, с. 115] и орокском [Озолиня, 2013, с. 38]. Вместе с тем системы вторичных и связанных значений в трех языках не повторяют друг друга полностью. Так, в ульчском языке выделяется небольшая группа лексических единиц, в которых сама исходная основа выражает значение ‘произведенный человеком материал’, а суффикс *-кса / -ксэ* привносит дополнительный смысловой оттенок, характеризуя объект как ветхий, собранный из остатков, используемый повторно: *дали(н)* ‘куль, мешок’ > *даликса* ‘мешковина, тряпки’; *адули* ‘сеть’ > *адуликса* ‘старая, использованная сеть’.

Наличие этого осложнения смысловой структуры базовой модели отмечают О. П. Суник [1985, с. 35], Л. Ж. Заксор и И. М. Наумова [2014б, с. 449], противопоставляя две семантически разнородные группы слов с суффиксом *-кса / -ксэ* друг другу. Однако авторы не производят на этом основании разделения двух значений суффикса и не предлагают описания специфики вторичной семантики.

Посредством суффикса *-қан (-ксан) / -қэн / -қон* в сочетании с именной основой образуются существительные в ульчском и нанайском языках [Аврорин, 1959, с. 109–110]. И в той, и в другой словообразовательной системе основным значением модели является уменьшительность, указание на небольшой размер предмета, обозначенного мотивирующим словом. Семантический сдвиг в большинстве словообразовательных пар, таким образом, оказывается минимальным: *омо(н)* ‘озеро в травянистых лугах’ > *омоко(н)* ‘маленькое озеро’; *сэңдэ* ‘пролив, протока из озер в реку или наоборот’ > *сэңдэкэ(н)* ‘узкий пролив’; *маңгу* ‘большая река’ > *маңгукэ(н)* ‘небольшая речка’; *дэқтэву* ‘коробка, банка для хранения мелких вещей’ > *дэқтэукэ(н)* ‘маленькая банка, коробка, ящичек’.

Когда производное слово референтно одушевленному существу, базовая семантика может дополняться или вытесняться смысловым компонентом, выражающим ласковое, доброжелательное отношение говорящего: *ин'а* 'щенок, собачонка' > *ин'ақā(н)* 'собачка'; *пурул(и)* 'дети, детеныши' > *пурулкэ(н)* 'детишки, ребятишки'.

В другой вариации модели исходная семантика переходит в значение партитивности, когда производная основа создается «для названия ограниченной части (обычно небольшой по размеру) или единичного представителя» [Аврорин, 1959, с. 109] того предмета, материала или вещества, который описывается производящим словом: *алта* 'жесть' > *алтақа(н)* 'кусок жести, жестянка'; *ауда(н)* 'луг' – *аудакса(н)* 'небольшая часть луга', *симата* 'снег' > *симатақа(н)* 'снежинка'.

Употребление модели с суффиксом *-қан (-ксан) / -қэн / -қон* для производства наименований детенышей животных, что является регулярным явлением в нанайском языке, для ульчского мало характерно. В проанализированной выборке подобные примеры единичны: *мури(н)* 'лошадь, конь' > *муриқа(н)* 'лошадка, жеребенок'.

Помимо этих основных групп дериватов в круге ульчских существительных с показателем *-қан (-ксан) / -қэн / -қон* можно выделить ряд слов с типовым значением 'наименования игр и игрушек': *пузи(н)* 'красавица' > *пузикэ(н)* 'кукла нарядная'; *пэңтэ* 'вид нерпы' > *пэңтэкэ(н)* 'игра в охоту на нерпу'.

Семантическая трансформация производной основы оказывается в этом наборе примеров значительнее, чем в прочих рассмотренных группах. Однако подобное применение модели, очевидно, является окказиональным и не позволяет говорить о многозначности суффикса.

Следующая модель предполагает присоединение к основе существительного суффикса *-нча(н) / -нчэ(н)*. Здесь как производящие, так и производные основы отличаются низкой степенью семантической дифференциации: суффикс *-нча(н) / -нчэ(н)* сочетается только с наименованиями географических объектов (как нарицательными, так и собственными) и образует лексемы со стандартным значением 'лицо, которое проживает в указанной точке пространства или рядом с ней': *гаса(н)* 'село, деревня' > *гасанча(н)* 'жители села'; *наму* 'море' > *намунча(н)* 'жители морского побережья, поморы'; *уни* 'горная речка' > *унинча(н)* 'житель реки, поречанин'.

Прямое соответствие этой модели обнаруживается в нанайском языке, который имеет фонематически близкий и семантически идентичный суффикс *-нкан / -нкэн* [Там же, с. 114–115]. Сходство можно отметить не только в базовых характеристиках словообразовательной пары и показателя, но также и в более тонких особенностях референции. В частности, оба локальных варианта суффикса несут собирательное значение, которое, однако, реализуется нерегулярно. Часть лексем с суффиксами *-нча(н) / -нчэ(н)* и *-нкан / -нкэн* описывает отдельных лиц, часть – целые группы, населяющие ту или иную территорию.

Вместе с тем функционирование суффикса *-нча(н) / -нчэ(н)* в ульчской системе словообразования отличается отдельными характерными чертами. Так, несмотря на то что в своем каноническом виде модель использует субстантивную производящую основу, встречаются случаи образования лексем аналогичного морфемного состава от наречий с пространственным значением: *горо* 'далеко' > *горонча(н)* 'далеко живущий'; *соли* 'вверх по течению, против течения реки' > *солинча(н)* 'верховские, все живущие вверх по реке'; *хэйи* 'вниз по течению' > *хэйинчэ(н)* 'низовские, живущие в нижнем течении реки'.

Подобные отклонения от стандартного вида модели не описаны для нанайского языка, на основании чего можно предположить, что они являются результатом более поздних процессов, специфичных для ульчской языковой системы.

Суффикс *-ту(н)* широко распространен в нанайской группе языков: модели с его участием приводятся в нанайской и орокской грамматиках [Аврорин, 1959, с. 116; Озолиня, 2013, с. 38], упоминаются в описаниях ульчской словообразовательной системы [Заксор, Наумова, 2014б, с. 449]. Передаваемое им деривационное значение имеет выраженный пространственный компонент: именуемый объект определяется через расположение в непосредственной близости к другому объекту, названному мотивирующим словом. Семантическое поле модели охватывает несколько типов пространственных отношений. Л. Ж. Заксор и И. М. Наумова формулируют типовое значение как ‘названия предметов, опоясывающих, охватывающих, покрывающих другой предмет или надеваемых на него’ [Там же, с. 449–450]. Производящие основы могут относиться к различным тематическим группам, описывающим материально-предметную сферу жизни (элементы одежды, предметы быта, части тела): *вэскэ* ‘рукав’ > *вэскэшту(н)* ‘нарукавник’; *сибэ(н)* ‘серьга, серьги’ > *сибэшту(н)* ‘ремешки с петлями для сережек’; *ута* ‘обувь’ > *уташту(н)* ‘ меховые чулки’; *тава* ‘огонь, очаг, костер’ > *тавашту(н)* ‘остов очага, печи’; *моңго(н)* ‘шея’ > *моңгошту(н)* ‘ меховой шарф’.

Посредством суффикса *-зи* в ульчском языке и его эквивалента *-зе* в орокском образуются абстрактные лексемы с пространственной семантикой, общее значение которых мы определяем как ‘часть пространства, выделяемая в соответствии с ориентиром, заданным производящей основой’. В роли ориентира при этом могут выступать сущности разной степени абстрактности – названия сторон света, народностей, населяющих близлежащие местности, или же элементов ландшафта: *пэрхи(н)* ‘запад’ > *пэрхизи* ‘западная сторона’; *наму(н)* ‘море’ > *намузи* ‘сторона моря’; *орочи* ‘орочи’ > *орочизи* ‘страна орочей’.

Модель с суффиксом *-наса / -ңсэ* не находит соответствий в близкородственных языках, однако известна в ороцком языке, относящемся к удэгейской группе амурской ветви [Аврорин, Болдырев, 2001, с. 73]. Суффикс отличается крайне узкой сферой применения – он присоединяется к ограниченному набору терминов близкого родства и служит для того, чтобы маркировать названное мотивирующей основой лицо как умершее: *ама* ‘отец’ > *амаңаса* ‘покойный отец’; *эңэ* ‘мать’ > *эңэ’ңсэ* ‘мать-покойница’.

Словообразовательная модель, предполагающая присоединение суффикса *-мди* к основе существительного для образования слова с семантикой ‘деятель, исполнитель’, вероятно, сформировалась в результате процесса, подобного описанному выше для суффикса *-нчан / -нчэн*. Изначально суффикс *-мди*, денотирующий семантику ‘деятель, исполнитель той или иной работы’, предназначался для производства существительных от основ глаголов. На первичность отглагольной модели указывает как значительный количественный перевес словообразовательных пар состава «глагол – существительное» в выборке (его отмечает также Т. И. Петрова [1936, с. 74]), так и тот факт, что семантика деятельности, которую выражает мотивирующая основа, в наибольшей степени приближена именно к категориальному значению глагола.

Роль производного слова переходит к существительным в тех случаях, когда выполнение человеком или животным некоторой работы требует его размещения в определенном положении относительно задействованных объектов или других работников. Мотивирующие основы в подобных парах, соответственно, выражают пространственное значение. Информация о сути осуществляемой деятельности остается не выраженной эксплицитно и возмещается за счет пресуппозиции: *билэ* ‘бортовые доски у лодки’ > *билэмди* ‘шестовик (человек, который управляет лодкой при помощи шеста), стоящий в середине лодки, идущей на шестах’; *дулу(н)* ‘середина, половина’ > *дулумди* ‘средняя пара собак в упряжке’.

Выделяется также круг слов с суффиксом *-мди*, образованных от имен с абстрактным значением. Такое применение модели подразумевает иной механизм

семантической трансформации, при котором в основе мотивации лежат ассоциативные связи или метафорический перенос. Так, в словообразовательной паре *дәи* ‘большой; взрослый’ > *дәимди* ‘старшина, глава, руководитель’ смысловая связь между двумя лексемами строится на отождествлении понятий ‘величина’ и ‘значимость’. В примере *маңга* ‘трудность, затруднение’ > *маңгамди* ‘организатор, кормилец семьи’ функции деятеля определяются не через прямое соотнесение с тем или иным типом работы, но косвенным, описательным образом – ‘человек, который разрешает затруднения’.

В нанайском и орокском языках модели образования существительных со значением деятеля посредством суффиксов *-мди* и *-мзи* соответственно используют только глагольные основы [Аврорин, 1959, с. 117; Озолина, 2013, с. 43]. Отсутствие упоминаний о случаях частеречной интерференции в родственных языках, вероятно, свидетельствует о том, что подобная схема развития словообразовательной системы представлена в них в меньшей степени по сравнению с ульским.

Из всех суффиксов, участвующих в образовании существительных от *глагольных* основ в ульском языке, наиболее широкое распространение имеет суффикс *-ку / -ко*. Его географический ареал охватывает территории расселения нанайцев, ороков и ульчей, причем в каждом из этих языков соответствующая модель реализуется в обширном круге производных слов. Основное деривационное значение, которое несет в себе данный показатель, можно сформулировать как ‘предмет, задействованный в процессе, который описывает мотивирующая основа’. По большей части производные лексемы именуют инструменты, предназначенные и специально изготовленные для осуществления тех или иных хозяйственных работ: *ахири-* ‘подметать, мести’ > *ахирику* ‘веник, метелка’; *йакчу-* ‘закрывать’ > *йакчуку* ‘запор, задвижка, заграждение’; *кэсу-* ‘снимать чешую с рыбы, чистить рыбу’ > *кэсуку* ‘нож или заостренная палка для очистки рыбы от чешуи’.

Названия инструментов образуются также от глагольных основ из тематической группы ‘восприятие органами чувств’: *досозо-* ‘слушать’ > *досозоку* ‘предмет, которым слушают’; *ичэ-* ‘видеть’ > *ичэку* ‘бинокль’.

Суффикс *-ку / -ко* может маркировать и другой тип отношений между процессом и предметом. В ряде словообразовательных пар производящая основа не выражает назначение производного существительного, а определяет способ взаимодействия с ним: *запча-* ‘держат в руках’ > *запчако* ‘ручка дверная’; *дэпси-* ‘махать’ > *дэпсику* ‘веер’.

Наконец, в отдельных случаях при словообразовании происходит семантический сдвиг, в результате которого инструментальное значение замещается результативным, например: *кэрчу-* ‘резать рыбу на куски’ – *кэрчуку* ‘надрезы на боках частиковой рыбы для измельчения мелких костей’. Однако подобные примеры слишком малочисленны, чтобы свидетельствовать о расширении смыслового диапазона суффикса.

Все перечисленные выше отклонения от исходной семантики происходят внутри модели, в которой семантическая трансформация базируется на первом значении суффикса *-ку / -ко*. В ульском и орокском языках дополнительно выделяется модель, предполагающая употребление его в другом значении, связанном с пространственным отношением, – ‘место осуществления действия, названного основой’ [Озолина, 2013, с. 44]: *апизу-* ‘отдыхать’ > *апизику* ‘место для отдыха в тайге’; *ивэчу-* ‘колоть дрова’ > *ивэчуку* ‘место для колки дров’; *ивачу-* ‘поддерживать огонь’ > *ивачику* ‘место для очага, для костра’; *қаргачу-* ‘охотиться на крупного зверя’ > *қаргаку* ‘охотничий наблюдательный пункт’.

Модель с суффиксом *-пун*, аналог которой обнаруживается также в орокском языке, регулярно применяется для образования отглагольных существительных с общим значением ‘инструмент осуществления деятельности’. Семантической

вариативности в данной группе слов не наблюдается, производящие глаголы представляют собой наименования действий, связанных с промысловыми и домашними работами, производные имена – названия предметов быта: *моно-* ‘мять ягоды’ > *монпу(н)* ‘пестик деревянный для измельчения продуктов питания’; *мудури-* ‘шлифовать’ > *мудурпу(н)* ‘напильник драчевый’; *сигду-* ‘чесать, расчесывать’ > *сигдупу(н)* ‘расческа, гребень’; *сиса-* ‘соскабливать, счищать’ > *сисану(н)* ‘инструмент для соскабливания’; *сугбу-* ‘мять, обрабатывать рыбью кожу’ > *сугбупу(н)* ‘нож для сдирания кожи с рыбы’.

Ту же функцию производства наименований инструментов от глагольных основ выполняет модель, в которой словообразовательным показателем является суффикс *-ча(н)*: *камбу-* ‘опоясаться, обернуть поясицу’ > *камбуча(н)* ‘широкий пояс; специальный пояс для роженицы’; *капса-* ‘бинтовать, перевязать’ > *капсача(н)* ‘бинт для перевязки ран’.

В близкородственных языках, с которыми проводится сопоставление, суффикс *-чан* не имеет хождения, в ульчском же круг примеров с подобной морфемной структурой значительно уступает по численности существительным, в состав которых входит суффикс *-пун*. Вероятно, именно последний наряду с суффиксом *-ку* следует считать основным средством выражения инструментальной семантики в ульчском словообразовании, рассматривая модель с суффиксом *-чан* как непродуктивную или реликтовую альтернативу.

Модель производства лексем с общим значением ‘деятель, работник’ посредством присоединения суффикса *-нди* описывалась выше для вариации с производящими словами-существительными. Отглагольные образования такого типа представлены в ульчском языке значительно шире. Мотивирующие основы в словообразовательных парах, как правило, называют различные виды хозяйственных и промысловых работ, физической активности или определяют роль, которую лицо выполняет в коллективной деятельности: *бэйчи-* ‘охотиться, подкрадываться на охоте к зверю’ > *бэйчимди* ‘охотник’; *бэлэчи-* ‘помогать’ > *бэлэчимди* ‘помощник, напарник’; *дāлачу-* ‘руководить, хозяйничать, управлять’ > *дāламди* ‘руководитель’; *н’оро-* ‘идти впереди’ > *н’оромди* ‘первая собака в упряжке, вожак’.

Кроме того, в ульчском языке функционирует еще одна, менее продуктивная, модель отглагольного образования имени с типовым значением ‘деятель’. В качестве словообразовательного аффикса в ней выступает суффикс *-ла / -лэ*, а соотношение семантики производной и производящей основ оказывается сложнее. Помимо базового смыслового компонента ‘лицо, осуществляющее деятельность’ суффикс *-ла / -лэ* привносит в дериват также оттенок оценочности. В точности сформулировать содержание этого семантического приращения представляется затруднительным из-за ограниченного объема языкового материала и расхождений в интерпретации лексем среди исследователей. Так, для лексемы *вāчила*, образованной от глагола *вāчуву* ‘лаять’, в словарных материалах О. П. Суника приводится толкование ‘малолаящая собака’ [1985, с. 181], в то время как «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков» определяет ее значение как ‘бредливая собака’ [ССТМЯ, 1975, с. 130]. При описании других слов с аналогичной морфемной структурой на первый план выходят такие характеристики, как успешность и высокая степень вовлеченности: *бута-* ‘ловить рыбу, рыбачить’ > *бутала* ‘удачливый, страстный, азартный рыбак’; *бэйчи-* ‘охотиться, подкрадываться на охоте к зверю’ > *бэйчилэ* ‘удачливый, страстный, азартный охотник’.

Таким образом, на основании имеющихся данных можно предположить, что для суффикса *-ла / -лэ* характерны дополнительное деривационное значение интенсивности или же положительные коннотации, указывающие на то, что лицо проявляет себя в названном основной типе деятельности наилучшим образом. Материалы близкородственных языков поддерживают первую гипотезу: в орокском

языке показатель *-ла / -лэ* применяется для производства отглагольных прилагательных и привносит в них смысловой компонент 'обладающий высшей степенью признака, который назван основой' [Озолиня, 2013, с. 55].

Модель с суффиксом *-н* известна в ульчском и нанайском языках. Ее основное значение можно передать как 'наименование процесса или действия, которые обозначает глагольная основа': *саули-* 'пировать, угощать' > *саули(н)* 'пир, угощение'; *бэйчи-* 'охотиться' > *бэйчи(н)* 'охота'.

В ульчском языке данная модель не имеет широкого распространения, что препятствует точному определению ее семантического диапазона. Тем не менее отдельные примеры свидетельствуют о том, что отмеченная В. А. Аврориным для нанайского языка тенденция к переходу в результативное значение [1959, с. 118], наблюдается и здесь: *холто-* 'отваривать рыбу' > *холто(н)* 'отварная рыба'.

Значение 'овеществленный результат по названному основой действию' выражается в ульчском языке, как и в нанайском, при помощи суффикса *-ча / -чэ*, который может присоединяться к глагольным основам, принадлежащим к различным семантическим классам – операции с материальными объектами, физиологические процессы и др.: *сира-* 'соединить' > *сирача* 'соединение, приставка'; *тулба-* 'заклепать' > *тулбача* 'заклепка'; *хавлу-* 'опухать, пухнуть' > *хавлуча* 'опухоль'.

Следует оговорить, что семантическое поле модели оказывается более узким по сравнению с ее аналогом в нанайском языке. Так, В. А. Аврорин отмечает, что созданные по данной схеме существительные могут обозначать не только результаты, но и 'косвенные объекты... соответствующих действий', приводя в качестве иллюстрации такие примеры, как *хобола-* 'оклеить стены' > *хоболача* 'обои'; *дака-* 'покрыть, постелить' > *дакача* 'скатерть' [Там же, с. 119]. В ульчском языке подобное словообразовательное значение реализуется посредством суффиксов *-ку / ко, -пун, -чан*.

К отдельной группе следует отнести словообразовательные модели с суффиксами *-ку, -кту, -ңга / -ңге / -ңгу*, которые характеризуются единообразным механизмом производства и идентичным деривационным значением. Во всех трех группах примеров мотивирующее слово представляет с собой глагол, обозначающий действие, направленное на другое лицо, тип поведения или эмоциональное состояние. Присоединение соответствующего суффикса дает производное существительное со значением 'лицо, которому свойственен образ действий, названный основой'.

Примеры с суффиксом *-ку*: *даңсу-* 'выговаривать, предупреждать, ругать, отчитывать' > *даңсуку* 'ворчун, придира'; *завансу-* 'зевать' > *завансуку* 'зевака (часто зевающий)'; *залда-* 'отлынивать при совместной работе' > *залдаку* 'тот, кто обманывает, хитрит (при совместной работе)'; *заралу-* 'войти в переговоры' > *заралку* 'тот, кто вмешивается в чужой разговор'.

Отметим, что последний пример из этой группы демонстрирует, что в отдельных случаях присоединение суффикса *-ку* может сопровождаться значительным семантическим сдвигом. В данном случае нейтральное действие общего характера, названное основой, в процессе словопроизводства осложняется негативной коннотацией и отнесенностью к специфическому типу коммуникативной ситуации ('войти в переговоры' > 'тот, кто вступает в разговор между другими лицами, когда это нежелательно').

Примеры с суффиксом *-кту*: *йэлчи-* 'баловаться, шалить' > *йэлчикту* 'баловник, шалун'; *н'имэру-* 'пойти в гости' > *н'имэрикту* 'любитель ходить в гости'; *ңәлачу-* 'воровать' > *ңәлачукту* 'вор'; *ңарқа-* 'отдавать все, отдавать последнее ближним' > *ңарқакту* 'тот, кто отдает, делится последним'; *соңго-* 'плакать, рыдать' > *соңгокту* 'плакса'.

Примеры с суффиксом *-ңа / -ңе / -ңу*: *зээрэ-* ‘издеваться, насмехаться’ > *зээрэңе* ‘насмешник’; *пәли-* ‘спорить, ссориться’ > *пәлиңа* ‘ворчун’, *валчи-* ‘спорить’ > *валчаңу* ‘спорщик’.

Примечательным представляется то, что в ульчском языке встречаются производные прилагательные, в морфемный состав которых входят все перечисленные суффиксы. Типовая семантика подобных слов полностью совпадает с той, которая была описана выше для имен существительных, за исключением категориального значения признака, занимающего в этих примерах место семантического компонента ‘лицо’, ср.: *булзаку* ‘жадный’, *гэвхэдэку* ‘сердитый, хмурый’, *ңэлэқту* ‘трусливый, нервный’, *имдаңа* ‘ловкий, умелый, искусный’.

Некоторые отглагольные образования с суффиксами *-ку, -қту, -ңа / -ңе / -ңу* могут функционировать в речи как в ролях, свойственных существительным, так и в ролях, свойственных прилагательным. Подобная категориальная неопределенность находит отражение в словарных материалах, которые выделяют у таких лексем два значения, маркирующих разную частеречную принадлежность, например: «*зэрүқту* – 1. хвастливый; 2. хвастун» [ССТМЯ, 1975, с. 285].

Необходим более глубокий анализ функционирования одноструктурных лексем обоих лексико-грамматических классов, чтобы сделать вывод о динамике словообразовательного процесса. Возможно, появление существительных с суффиксами *-ку, -қту, -ңа / -ңе / -ңу* является следствием регулярных процессов субстантивации, вследствие которых образуются омонимы, или же результатом функционирования в адъективных и субстантивных моделях омонимичных пар суффиксов. В последнем случае, опираясь на количественные данные, можно предположить, что адъективные модели являются первичными. Однако следует также учитывать, что развитие каждой из трех моделей могло протекать по собственному пути¹. В пользу этого предположения свидетельствует тот факт, что в близкородственных языках рассматриваемые суффиксы обнаруживают различия в дистрибуции. Так, в орокском языке суффикс *-ңа (ңа) / -ңо* регулярно используется для образования существительных со смысловым компонентом характеристики по признаку [Озолия, 2013, с. 46], но для прилагательных подобного способа словопроизводства не представлено. В то же время модели с суффиксами *-қту, -ку* и деривационным значением ‘лицо, описываемое через тип поведения’, не зафиксированы ни в нанайском, ни в орокском языках.

Суффикс *-қту*, выражающий значение результативности, также относится к числу тех показателей, которые в ульчском языке применяются как в субстантивном, так и в адъективном словообразовании. При этом в данном случае первичность модели ‘основа глагола + суффикс *-қту* = прилагательное с семантикой статического признака, приобретенного в результате стороннего воздействия’, не вызывает сомнений: она описана как распространенный способ производства отнесительных прилагательных в исследованиях по ульчскому [Суник, 1985, с. 36], нанайскому [Аврорин, 1959, с. 202] и орокскому [Озолия, 2013, с. 54] языкам. Напротив, существительные с суффиксом *-қту* и типовым значением ‘овеществленный результат действия’ составляют небольшую группу ульчской лексики и не присутствуют в других языках нанайской группы. В данной модели в качестве мотивирующих выступают глагольные основы, обозначающие созидательные или деструктивные действия, дериваты же, как правило, называют изделия, изготовленные определенным способом, или наименования повреждений на челове-

¹ В частности, о возможности дальнейшего развития модели с суффиксом *-ку* свидетельствуют окказиональные случаи производства лексем с данным показателем от основ существительных. В подобных дериватах содержание деятельности, которая выступает в качестве характеризующего признака, передается не через прямое обозначение, но косвенно – через упоминание частей тела, задействованных в процессе: *қута(н)* ‘желудок’ > *қутаку* ‘обжора’, *билза* ‘глотка’ > *билзаку* ‘жадный’.

ском теле: *бэйи-* ‘обморозить’ > *бэйиқту* ‘обмороженное место’; *лаи-* ‘вывихнуть, повредить ногу, руку’ > *лаиқту* ‘место вывиха, повреждения’; *қала-* ‘переменять, изменять’ > *қалақту* ‘старье, рвань’; *сира-* ‘соединить’ > *сирақту* ‘веревка из многих отрезков, концов’.

Случаи образования существительных от *прилагательных* аффиксальным способом крайне редки. Нами была выявлена только одна непродуктивная модель такого рода: суффикс *-қта / -қтэ* используется в ней для производства наименований цветов, а также лексем, описывающих те материальные объекты, которые вызывают прямые ассоциации с соответствующим цветом: *сахари(н)* ‘черный’ > *сахариқта* ‘зрачок’; *чāгза(н)* ‘белый’ > *чāгзақта* ‘белок, белизна’; *сōгзо(н)* ‘желтый’ > *сōгзоқто* ‘желтизна, желток’; *сэгзэ(н)* ‘красный’ > *сэгзэқтэ* ‘краснота’.

Набор суффиксов, которые присоединяются к основам *числительных*, трансформируя их в субстантивы в ульчском языке, обнаруживает значительное сходство с орокской системой словообразования [Озолиня, 2013, с. 41]. Позицию производящего слова могут занимать только количественные числительные в пределах первого десятка, соответственно производные существительные образуют закрытые ряды, и деривационный потенциал моделей следует считать полностью реализованным.

Первый из суффиксов *-лта / -лтэ* (он также присутствует в нанайском языке) в сочетании с основой, выражающей количественную семантику, образует существительные, обозначающие названное производящим словом число дней: *ила(н)* ‘три’ > *илалта* ‘три дня, трехдневка’; *нада(н)* ‘семь’ > *надалта* ‘семидневка, неделя’; *тунза* ‘пять’ > *тунзалта* ‘пятидневка’; *зуа(н)* ‘десять’ > *зуалта* ‘десять дней, декада’.

Прочие представленные модели служат для образования наименований групп людей с определенным числом участников. Базовое словообразовательное значение ‘количество человек, названное основой’, находит выражение в суффиксе *-ни (-н’и)*, который, по всей видимости, происходит от лексемы *н’и* (человек), прошедшей через процессы десемантизации и редукции: *зуэл* ‘два’ > *зуэн’и* ‘двое’; *илан* ‘три’ > *иланни* ‘трое’; *тунза* ‘пять’ > *тунзани* ‘пятеро’, *нада(н)* ‘семь’ > *надан’и* ‘семеро’.

С этой группой производных существительных связано употребление особого показателя выделительности *-қан / -қэн / -қон*, который подчеркивает ограниченность числа участников и маркирует его как недостаточное: *иланниқан* ‘только трое’ *тунзаниқан* ‘только пятеро’.

Другой механизм производства существительных с семантикой множественности из количественных числительных предполагает использование суффикса *-зури / -зури*, который привносит в дериват дополнительное значение совместности: *зуэл* ‘два’ > *зуэлзури* ‘вдвоем’; *илан* ‘три’ > *иланзури* ‘втроем’; *нада(н)* ‘семь’ > *наданзури* ‘всемером’.

Характеризуя словообразовательную систему ульчского языка в целом, следует отметить, что органическая связь с другими представителями амурской ветви тунгусо-маньчжурских языков выражена в нем ярко: сходство с нанайским и орокским наблюдается как в направлениях словообразования, так и в наборах показателей. Уникальные словообразовательные модели немногочисленны и в большинстве своем относятся к непродуктивным. Однако функционирование стандартных моделей в языке сопровождается процессами трансформации типовой семантики, приводящей к формированию новых значений суффиксов, расширением круга мотивирующих основ, с которыми они сочетаются, и переносом механизмов словопроизводства из одного лексико-грамматического класса в другой. Все это позволяет говорить о своеобразии ульчского словообразования и необходимости глубокого исследования его состояния на современном этапе.

Список литературы

- Аврорин В. А.* Грамматика нанайского языка. Л.: Академия наук, 1959. Т. 1. 282 с.
- Аврорин В. А., Болдырев Б. В.* Грамматика орокского языка. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. 400 с.
- Заксор Л. Ж., Наумова И. М.* Непродуктивные основообразующие суффиксы в ульчских существительных // Север, олени и не только... СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2014а. С. 68–74.
- Заксор Л. Ж., Наумова И. М.* Об отдельных словообразовательных суффиксах имен существительных в ульчском языке // Молодежь в инновационном развитии Арктики: Сб. материалов круглого стола молодых исследователей Якутии (С.-Петербург. гос. ун-т, 29 мая, 2014). СПб.: Изд-во ВВМ, 2014б. С. 449–450.
- Озолия Л. В.* Грамматика орокского языка. Новосибирск: Гео, 2013. 373 с.
- Петрова Т. И.* Ульчский диалект нанайского языка. М.; Л., 1936.
- ССТМЯ – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю / Под ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, 1975. Т. 1. 672 с.; 1977. Т. 2. 992 с.
- Стойнова Н. М.* Глаголы ‘искать’ и ‘находить’ и их дериваты в диалектах нанайского и ульчского языков // ЕВРика! Сборник статей о поисках и находках к юбилею Е. В. Рахилиной. М., 2018. С. 218–244.
- Суник О. П.* Ульчский язык: исследования и материалы. Л., 1985. 262 с.

V. A. Gorbunova

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation, vicgor89@mail.ru*

Noun derivation through affixation in the Ulch language (in comparison with Nanai and Orok languages)

The paper discusses the key features of noun derivation in the Ulch language, a topic that has not yet received full coverage in academic research. The study involves describing both derivation patterns and the affixes they employ. The latter occasionally reveal a complex semantic structure that allows them to feature in multiple patterns or cause different types of subtle shifts in the meaning of the core word. In total, over twenty-five patterns are listed and analyzed in the paper. Noun-to-noun and verb-to-noun patterns form the crux of the Ulch nominalization, with a limited number of adjective-to-noun and numeral-to-noun ones discovered as well, which, however, prove to be more semantically rigid and limited in use.

In order to put the findings into a wider linguistic context, a comparative analysis is carried out, juxtaposing the Ulch noun derivation system against the Nanai and Orok ones. For each pattern described, the existing analogs from the two other languages are provided, and the differences in the distribution or the semantic transformation mechanisms are analyzed. Overall, the Ulch language appears to be similar to both Nanai and Orok ones when it comes to the range of nominal suffixes due to their deep-reaching historical connection. At the same time, significant divergence is observed in the appliance and mechanics of specific derivational patterns. One of the distinctive features of the Ulch nominalization is the trend towards using suffixes having been applied originally only to the core words belonging to one part of speech with stems from different categories.

Keywords: noun derivation, derivational suffixes, Tungusic languages, Ulch language.

DOI 10.17223/18137083/71/15

References

- Avrorin V. A., Boldyrev B. V. *Grammatika orochskogo yazyka* [Grammar of the Oroch language]. Novosibirsk, Publishing House SB RAS, 2001, 400 p.
- Avrorin V. A. *Grammatika nanayskogo yazyka* [Grammar of the Nanai language]. Leningrad, 1959, vol. 1, 282 p.
- Ozolinya L. V. *Grammatika orokskogo yazyka* [Grammar of the Oroch language]. Novosibirsk, Geo, 2013, 373 p.
- Petrova T. I. *Ul'chskiy dialect nanayskogo yazyka* [The Ulch dialect of the Nanai language]. Moscow, Leningrad, 1936, 156 p.
- Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov. Materialy k etimologicheskomu slovaryu* [Comparative dictionary of Manchu-Tungus languages. Materials for the etymological dictionary]. V. I. Tsintsius (Ed.). Leningrad, Nauka, 1975, vol. 1, 672 p.; 1977, vol. 2, 992 p.
- Stoynova N. M. Glagoly “iskat” i “nakhodit” i ikh derivaty v dialektakh nanayskogo i ul'chskogo yazykov [Verbs “search” and “find” and their derivatives in the Nanai dialects and Ulch language]. In: *EVRika! Sbornik statey o poiskakh i nakhodkakh k yubileyu E. V. Rakhilinoy* [EUREKA! A coll. of art. exploring the topic of searches and findings in celebration of E. V. Rakhilina's anniv.]. Moscow, 2018, pp. 218–244.
- Sunik O. P. *Ul'chskiy yazyk: issledovaniya I materialy* [The Ulch language: studies and materials]. Leningrad, 1985, 262 p.
- Zaksor L. Zh., Naumova I. M. Neproductivnye osnovoobrazuyushchie suffiksy v ul'chskikh sushchestvitel'nykh [Unproductive stem-forming suffixes in the Ulch nouns]. In: *Sever, oleni i ne tol'ko...* [The north, deer and more...]. St. Petersburg, Publishing House of Herzen State Pedagogical University, 2014a, pp. 68–74.
- Zaksor L. Zh., Naumova I. M. Ob otdel'nykh slovoobrazovatel'nykh suffiksakh imen sushchestvitel'nykh v ul'chskom yazyke [On selected derivational nominal suffixes of the Ulch language]. In: *Molodezh' v innovatsionnom razvitii Arktiki. Sb. mat. kruglogo stola molodykh issledovateley Yakutii* [The youth in innovative development of the Arctic. A coll. of materials from the open forum of young researchers of Yakutia]. St. Petersburg, VVM Publ., 2014, pp. 449–450.